

DOI: 10.31857/S086919080019069-2

ЧИНГИСИДСКАЯ И ПЕРСИДСКАЯ КАНЦЕЛЯРСКАЯ КУЛЬТУРА В СОЧИНЕНИИ МУХАММАДА НАХЧИВАНИ «ДАСТУР АЛ-КАТИБ»

© 2022

Л.Ф. АБЗАЛОВ ^a, Ю.И. ДРОБЫШЕВ ^b

^a – Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Республика Татарстан, Россия

ORCID: 0000-0003-3952-6715; len_afzal@mail.ru

^b – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

Резюме: В статье на основе анализа ярлыков из трактата персидского чиновника Мухаммада Нахчивани «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней») выявляются особенности взаимодействия персидских и чингисидских делопроизводственных традиций в государстве Джалаиридов. Целью исследования является рассмотрение соотношения местных персидских, мусульманских традиций делопроизводства и канцелярской культуры чингисидских и пост-чингисидских государств в ходе документирования властных решений. Задачами выступают определение структуры образцов ярлыков, представленных в «Дастур ал-катиб», сравнение их с формулярами чингисидских актов, а также определение степени влияния чингисидских канцелярских канонов на древнюю персидскую традицию делопроизводства. Источниковую базу составляют, в первую очередь, образцы ярлыков, а также другие материалы из «Дастур ал-катиб», иные средневековые источники о монгольском Иране и других государствах Чингисидов, в том числе сочинения Рашид ад-Дина и прочих историков, актовые материалы средневековых чингисидских канцелярий и более ранние персоязычные произведения, в которых разъясняются правила оформления официальных бумаг. Авторы используют источниковедческий, дипломатический и сравнительно-исторический методы. Анализ указанных материалов свидетельствует о том, что Хулагуиды благодаря своей военно-политической мощи сумели внедрить в канцелярскую практику Ирана некоторые монгольские административные понятия и собственно чингисидские каноны, которые оказались весьма устойчивыми и сохранялись даже после падения их власти. Мухаммад Хиндуша органично связывает Джалаиридов с Хулагуидами через фигуру Шейха Увейса, которому он посвятил свой труд, и возводит эту связь к Чингисхану, что позволяет рассматривать его произведение в качестве одного из наиболее поздних памятников монгольской имперской идеологии. Авторы приходят к выводу, что в Иране в XIII–XIV вв. сосуществовали старая персидская делопроизводственная традиция и чингисидские канцелярские нормы, причем последние символизировали господство правящей династии и приверженность политическим традициям, заложенным еще Чингисханом.

Ключевые слова: канцелярская культура, Иран, Монгольская империя, Чингисиды, ильханы, Джалаириды, Шейх Увейс, ярлык.

Для цитирования: Абзалов Л.Ф., Дробышев Ю.И. Чингисидская и персидская канцелярская культура в сочинении Мухаммада Нахчивани «Дастур ал-катиб». *Восток (Oriens)*. 2022. № 5. С. 160–170. DOI: 10.31857/S086919080019069-2

CHINGGISID AND PERSIAN OFFICE CULTURE IN THE WORK OF MUHAMMAD NAKHCHIVANI "DASTUR AL-KATIB"

© 2022

Lenar F. ABZALOV ^a, Yuliy I. DROBYSHEV ^b^a – Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

ORCID: 0000-0003-3952-6715; len_afzal@mail.ru

^b – Institute of Oriental Studies, RAS; Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

Abstract: Based on the Persian treatise "Dastur al-Katib" by Muhammad Nahchivani, the article reveals peculiarities of interaction of Persian and Chinggisid chancellery traditions in the state of Jalayirs. The aim is to consider correlation of local Persian, Muslim traditions and office culture of Chinggisid and post-Chinggisid states in process of documenting power decisions. The objectives of the study are to determine the structure of the yarliq samples presented in "Dastur al-katib", compare them with the forms of Chinggisid act materials, and to determine a degree of influence of Chinggisid chancellery rules on Persian chancellery traditions. The source base consists of yarliqs samples and other materials from "Dastur al-Katib", other medieval sources about Mongol Iran and other Chinggisid states, including the writings of Rashid al-Din, etc., the materials of medieval Chinggisid chancelleries. The authors use source studies, diplomatic and comparative historical methods. The analysis of these materials indicates that the Hulaguids, thanks to their military and political power, managed to introduce into chancellery practice of Iran Chinggisid canons, which persisted even after the fall of the Ilkhans' power. Muhammad Hindushakh organically connects the Jalayirs with the Hulaguids and traces this connection to Chinggis Khan, which allows us to consider his work as one of the most recent monuments of Mongol imperial ideology. The authors conclude that in Iran in 13th–14th cc. the old Persian chancellery tradition and Chinggisid chancellery norms coexisted, and the latter symbolized the dominance of the ruling dynasty and adherence to political traditions laid down by Chinggis Khan.

Keywords: chancellery culture, Iran, Mongol Empire, Chinggisids, Ilkhans, Jalayirs, Shaikh Uwais, yarliq.

For citation: Abzalov L.F., Drobyshev Yu.I. Chinggisid and Persian Office Culture in the Work of Muhammad Nakhchivani "Dastur al-katib". *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 5. Pp. 160–170. DOI: 10.31857/S086919080019069-2

О трактатах для канцелярских служащих. «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» представляет собой руководство для *катибов* канцелярии правителей Джалаиридов¹. Мухаммад б. Хиндушах Нахчивани начал писать этот трактат еще в годы правления ильхана Абу Саида Бахадур-хана (1316–1335) и завершил его уже при новой династии Джалаиридов при султани Шейхе Увейсе (1356–1374).

Как известно, развитие государственного аппарата обуславливало необходимость систематизации делопроизводства, что предполагало создание инструкций и пособий по

¹ Вслед за В.В. Бартольдом мы считаем более правильным для обозначения правившей частью Хулагуидской державы династии – выходцев из монгольского племени джалаири использовать термин «Джалаириды», а не утвердившийся в историографии термин «Джалаириды» [Бартольд, 1968, с. 365, прим. 2].

канцелярскому делу. В странах мусульманского Востока уже с VIII–IX вв. создавались трактаты, определявшие порядок составления деловой документации [Тизенгаузен, 1884, с. 247–251, 331–350, 406–416; Roemer, 1952, S. 11; Fekete, 1977; Bazmee Ansari, 1986, p. 1241–1245; Ибн Маммати, 1990, с. 5; Busse, 1991, p. 301–313; Фарзалиев, Мамедова, 2004; Фаверо, 2018, с. 41–84]. Эти трактаты могли включать сведения финансово-фискального характера, известные в Иране под названиями «невисандеги» («счетоведение») или «сийак» («ведение счетных книг») [Фарзалиев, Мамедова, 2004, с. 23]. В них также предпринимаются попытки осмысления документационных процессов, приводятся правила документирования, которые иллюстрируются примерами из трудов предшественников или архивных материалов. Они редко приводят полный текст документов, убирая шаблонные элементы акта, акцентируют внимание на структуре и способах их оформления [Фаверо, 2018, с. 52–53].

Одним из сохранившихся образцов официальных актов на персидском языке является сборник, составленный главой государственной канцелярии султана Санджара (1118–1153) Мунтаджаб ад-Дином ал-Джувайни «Атабат ал-катаба» [ал-Джувайни, 1985]. Традиция составления инструкций для делопроизводителей нашла свое продолжение в Иране и в эпоху Хулагуидов, благо для этого были созданы необходимые условия². Известно, что при составлении различного рода документов *битикчи* канцелярий Чингисидов руководствовались определенными нормами и правилами. Вероятно, на начальных этапах становления государства Хулагуидов письменных инструкций по составлению делопроизводительной документации не существовало; по крайней мере, в «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина мы находим сообщение о том, что до реформ Газана (1295–1304) писцы составляли документы по общепринятым нормам, передававшимся в устной форме посредством практической деятельности: «Поскольку также по каждому делу составляют черновики [ярлыков³], то, во всяком случае, они у битикчиев в памяти как следует не будут сидеть, иной раз в выражениях произойдет разница, и обнаружится разногласие в таких постановлениях, которые написали по одному и тому же делу» [Рашид ад-Дин, 1946, с. 277].

В ходе реформ Газана в Иране были введены инструкции для оформления и порядка составления различных документов. Глава гражданского управления Улуса Хулагу везир Рашид ад-Дин отмечает: «[Государь] повелел устранить это обстоятельство и путем сравнения и придумывания записать в книгу разного рода важные дела и прошения людей, могущие случиться, и очень обдуманно написать для каждого из них форму, содержащую все условия и мелочи этого дела. Когда все написали, [государь] созвал эмиров и сказал: “Постановления, которые издаются, являются моими повелениями и [плодами] ваших докладов. Поскольку нужно, чтобы ни одна душа не могла по причине непостоянства допускать изменения, нам необходимо вместе прочитать эти формы. Каждый в отдельности в этом отношении хорошенько подумает и, что окажется, мы обсудим и так исправим, что ни в одной мелочи из мелочей предосторожность не останется забытой и не соблюденной, и [формы] будут согласны моему и вашему мнению. Их мы сделаем руководством, и впредь все дела будем разрешать на этот лад и издавать постановления, исходя из них, дабы все дела приводились в исполнение по одному способу и порядку, и никакие противоречия в наши слова не допускались. Посовещавшись, надобно исправить их осмотнительно, так чтобы мнение всех вас на том сошлось. Затем в вашем присутствии пусть они будут прочтены еще раз, и, если окажется кое-какая мелочь, то чтобы ее исправили после совета, и на этом пусть будет покончено”» [Рашид ад-Дин, 1946, с. 277]. Следует отметить, что эта

² Подробнее о сочинениях *инша* в государстве Хулагуидов см.: [Roemer, 1952, S. 13–16].

³ Тюрко-монгольское обозначение документов термином «ярлык» или в сочетании с «хукм-и ярлиг» оставалось в употреблении канцелярий Ирана до конца XV в. [Busse, 1991, p. 309].

реформа была успешно реализована и подготовленный сборник получил название «Канун ал-умур» («Деловой канон») [Рашид ад-Дин, 1946, с. 277]. Впредь делопроизводители (*муниши*, *катибы*, *бахши* и др.) были обязаны оформлять документы в соответствии с установленными образцами, а в случае нестандартной ситуации предусматривалась особая процедура включения новых образцов в «Деловой канон».

Мухаммад б. Хиндушах Нахчивани был прекрасно осведомлен о государственном устройстве державы Хулагуидов и, конечно, был знатоком чингисидских делопроизводственных традиций, так как проработал в финансовом ведомстве много лет. При этом он был ярким представителем персидской культуры, одним из проявлений которой является другое его сочинение «Сихах ал-фурс» («Толковый словарь персидского языка»). В образцах приводимых им документов проступает, прежде всего, персидская делопроизводственная культура [Busse, 1991, р. 309], что особенно явно обнаруживается при сравнении с вышеупомянутым сочинением Мунтаджаб ад-Дина ал-Джувайни [ал-Джувайни, 1985, с. 56].

Автор приводит в «Дастур ал-катиб» образцы документов канцелярии Джалаиридов, являющихся преемниками политической культуры Хулагуидов и Чингисидов в целом, но поскольку трактат был написан на персидском языке, здесь господствует персидская бюрократическая культура. Как известно, чингисидская традиция должна была находить свое наиболее яркое проявление в начальном протоколе и эсхатоколе издаваемых документов, но в силу ряда причин автор, как правило, не приводит их в своем руководстве ввиду хорошей осведомленности опытных писцов в этом вопросе. Монгольское влияние проявляется в системе должностей, которые не были характерны для предшествующей эпохи.

Канцелярская культура Чингисидов начинает формироваться в начале XIII в., ее истоки можно связать с принятием монголами письменности в 1204 г. Определяющей причиной стал административный фактор: необходимость повышения эффективности управления все расширяющейся властью Тэмучжина. Уже изначально канцелярская практика монголов была многокомпонентной, в организации управления их улуса принимали участие уйгуры, найманы, керейты, кидани, хорезмийцы (для сравнения, в халифате арабов в канцелярском деле преобладали представители покоренных ими народов: персы, сирийцы и др. [Sellheim, 1997, р. 755–756]). Процесс формирования канцелярских традиций был долгим и отражал эволюцию Монгольского государства. Очевидно, эти традиции окрепли в годы правления Угэдэя (1229–1241) и Мункэ (1251–1259), т.е. в эпоху расцвета единой империи Чингисидов. Канцелярская культура стала одним из проявлений их имперской культуры, поэтому она распространилась в границах всего Йеке Монгол Улуса.

Наиболее заметными чертами этой культуры явились: внутренняя структура документа с четкими формулами, в том числе отражающими политическую иерархию Монгольской империи, тамги-печати, отсутствие вычурности и славословия, присущего, например, персидской делопроизводственной культуре, и простота оформления. Ата-Малик Джувейни (1226–1283), долгое время находившийся на службе у Чингисидов, в связи с этим пишет: «Ввели они [Чингизиды] еще один похвальный обычай, закрыв двери чинопочитания, похвалы титулами, крайнего высокомерия и недоступности, кои обычны у удачливых и могущественных. Когда один из них восходит на ханский престол, то ему добавляют одно имя – хан или каан, и только, и более ничего не пишут [в официальных документах], а сыновей его и братьев зовут теми именами, что даны им при рождении, в лицо и за глаза, и это правило установлено как для простолюдинов, так и для знати. И так же, когда пишут обращения в письмах, пишут только одно имя, не делая разницы между султаном и простолюдином; и излагают только суть дела, избегая излишних званий и выражений» [Джувейни, 2004, с. 20].

О языках делопроизводства в чингисидских канцеляриях. Проявлением имперской чингисидской культуры является активное использование местных языков в организации управления завоеванными землями, что вполне закономерно [Allsen, 2007, p. 98, 101]. Ата-Малик Джувейни отмечает: «Им [битикчи великого хана] помогают писцы, владеющие персидским, уйгурским, китайским, тибетским, тангутским и другими языками, поскольку куда бы ни направлялся указ, он должен быть написан с использованием языка и письма живущего там народа» [Джувейни, 2004, с. 440]. Ему вторит Рашид ад-Дин: «Из всех народностей при них состояли на службе писцы, знавшие по-персидски, уйгурски, китайски, тибетски и в случае, если для какого-либо места пишут указ, писали бы его на языке и письме того народа» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 140]. Информацию о применении в практике делопроизводства наиболее распространенных языков можно обнаружить и в материалах Мухаммада Нахчивани: «Одним из этих мероприятий мы полагаем издание указов к каждому народу на его языке с тем, чтобы они легко понимали его содержание. В частности, указы, [направляемые] в Город мира Багдад и иные местности Ирака Арабского издаются на арабском языке, [указы,] направляемые иранским племенам в области Джибалы и провинции Персии должны прибывать на персидском языке. Монгольским и тюркским племенам указы также должны направляться на их языках и письменах с тем, чтобы они с легкостью могли их понять. К ним следует обращаться на их языке» (пер. И.А. Мустакимова) [Мухаммад ибн Хиндушах, 1976, с. 39–43 араб. паг.; см. также: Тизенгаузен, л. 226; Пириев, 1988, с. 200].

Официальным языком делопроизводства при Чингисхане был монгольский язык. В китайских источниках он называется государственным языком⁴. Наряду с монгольским широкое применение находит тюркский язык, как язык части кочевой элиты империи [Нав, 2014, p. 5]. Следует подчеркнуть, что значительная часть центральноазиатских кочевников была двуязычна [Харькова, 1992, с. 163–164].

Монгольские власти для повышения эффективности управления, как правило, дублировали свои указы на языках, доступных большинству населения, то есть наряду с монгольскими текстами на уйгурской графике составляли документы на тюркском, персидском или иных языках⁵. Интересно, что арабы уже при халифе Усмани (644–656) стали насаждать арабский язык в государственное делопроизводство [Fekete, 1977, S. 17], в отличие от монголов, не практиковавших таких радикальных мер. Политическая практика монголов также отличается от политики тюркских династий, господствовавших на территории Ирана в предмонгольский период (Газневиды, Сельджукиды, Ануштегиниды), которые активно внедряли в делопроизводство персидский язык.

Если в Юаньском Китае преобладающим языком государственной коммуникации был китайский, в улусах Чагатай и Джучи – тюркский, то во владениях ильханов таковым был персидский, а в некоторых регионах – арабский язык, при использовании монгольского и тюркского языков при адресации документов соответствующим прослойкам населения, т.е. если документы были адресованы кочевникам, то дублировались на монгольском или тюркском языках [Fragner, 1997, p. 757–758; Allsen, 2007, p. 102]. Также следует отметить, что именно в монгольскую эпоху, в отличие от сельджукской, в Иране возросло значение тюркского языка [Vasary, 2016, p. 141]. При Джалаирах позиции тюркского языка укрепляются еще более.

Дипломатический комментарий. В целом, приводимые Мухаммадом б. Хиндушахом образцы документов отражают персидскую делопроизводственную культуру, но в некото-

⁴ В «Юань ши» в биографии Елюй Чуцай (1189–1243) указывается его прозвище «Длинная борода»: «На [монгольском] государственном языке (курсив наш. – Л.А., Ю.Д.) “У-ту са-хэ-ли” означает “длиннобородый”» [Мункуев, 1965, с. 187].

⁵ О подобном явлении в завоеванном монголами Китае см.: [Зограф, 1984, с. 12].

рых из них (например [Нахчивани, 1976, с. 17–19 араб. паг.]) находят отражение отдельные компоненты чингисидских канцелярских традиций, что выражается не только в специальной терминологии (*ярлык*, *яргу*, *бахши*, *тумен* и др.), но и во внутренней структуре документа.

Формуляр большинства представленных Мухаммадом б. Хиндушахом образцов ярлыков включает промульгацию, преамбулу (аренгу), наррацию и диспозицию [Busse, 1991, p. 301–313; al-Hukama'i, 2015, p. 19–20]. При этом некоторые части условного формуляра остаются не представленными. Как правило, отсутствует начальный протокол (инвокация и интитуляция), некоторые компоненты основной части (санкция и корроборация), а также конечный протокол. Их отсутствие объясняется тем, что эти компоненты были хорошо известны каждому опытному писцу и поэтому не требовали указания.

Официальные акты, адресованные кочевому населению Ирана, писались или дублировались на монгольском или тюркском языках, в соответствии с чингисидской делопроизводственной культурой. Они имели традиционный для чингисидских канцелярий формуляр, отличавшийся от персидских норм.

Начальный протокол монгольских документов включал в себя интитуляцию и инскрипцию. Адресант был связан с конкретным правителем, от имени которого издавался ярлык, при этом он мог иметь различные варианты, которые также зависели от языка и графики документа. Если документ писался на монгольском языке уйгурской графикой, то он имел стандартную для чингисидских канцелярий формулу «Слово наше» (“*üge manu*”). Данная формула могла иметь некоторые вариации, которые определялись политическими притязаниями адресанта [Григорьев, 1978, с. 30]. Помимо этого в персидском делопроизводстве также использовалась указанная интитуляционная формула на тюркском языке на уйгурской или арабской графике *سوزوميز* («слово наше»), например [Fekete, 1977, S. 63, 71].

За интитуляцией следовала инскрипция. В адресате был представлен тот круг должностных лиц, который был обязан принять официальный акт к исполнению, поэтому число его элементов могло варьироваться, и располагались они в определенной иерархической последовательности [Григорьев, 1978, с. 52–54; Усманов, 1979, с. 205–227].

Переход от начального протокола к основной части документа, состоявшей из преамбулы, нотификации, наррации, диспозиции и корроборации, производился посредством характерной для чингисидского делопроизводства арабским письмом формулы-оповещения (или обнародования) *بداندى* (перс. *бадананд ки* – «должны знать следующее»). В актах на монгольском языке эта формула могла звучать “*dū[l] qaqū jarliq*” («к совершенному постижению ярлык») [Григорьев, 1978, с. 34; о формуле-оповещении на тюркском языке см.: Усманов, 1979, с. 229–230].

Как было уже указано, условный формуляр документов чингисидских канцелярий также мог включать преамбулу (аренгу) и наррацию. Основная суть документа находила свое выражение в диспозиции. В условном формуляре вслед за диспозицией, как правило, следовала санкция [Усманов, 1979, с. 247] и корроборация, завершавшая основную часть документа. Например, в грамоте Абу Саида от 1320 г., подготовленной на монгольском языке уйгурицей, корроборация выражена в следующей форме: «С золотой пайцзой, с красной печатью ярлык милостиво выдан» (“*Altan gerege al tamyatai jrlq soyurqū ögbei*”) [Григорьев, 1978, с. 67].

Эсхатокол документов чингисидских канцелярий должен был содержать указание даты и места выдачи, а также мог включать имена ходатаев и исполнителей его оформления. В канцелярской культуре Чингисидов также прослеживается практика помещения удостоверяющих надписей на обороте документа [Cleaves, 1951, p. 508; Dai Matsui, 2015]. Вероятно, она была введена еще в годы правления Чингисхана или Угэдэя, что было

вызвано возрастанием документооборота и необходимостью несения ответственности за подготовленный документ. В свою очередь писец или писцы, а также ходатаи могли выступать свидетелями при разрешении дела, связанного с выдачей конкретного документа. Удостоверительные надписи на уйгурской графике также применялись в случае написания документов на других языках [Хэй-да ши-люе, 1960, с. 142]. Часто удостоверительные надписи отражали краткое содержание документа на монгольском языке [Cleaves, 1953, p. 478–486], для того чтобы писцы и сановники, не владевшие языком, на котором был написан документ, могли иметь представление о его содержании [Рашид ад-Дин, 1946, с. 276]. Помимо этого на обороте документов влиятельные особы или их представители могли ставить оттиски личных печатей [Dai Matsui, 2015]. Ярким примером внедрения чингисидских канцелярских традиций является использование печатей-тамг, которые отличались своей формой, расположением оттиска печати на документе, содержанием легенды печати, языком и графикой (например, письмо пагспа, уйгурица) [al-Hukama'i, 2015, p. 17; Yokkaichi, 2015, p. 25–32].

Политологический комментарий. Рассматриваемый нами памятник был закончен в переходную эпоху, разделявшую два крупных этапа в истории Ирана: хулагуидский и тимуридский. Власть уходила из рук прямых потомков Чингисхана, но заложенный им династийный принцип наследования верховной власти оставался по-прежнему в силе: законным правителем считался тот, кто происходил от Чингисхана по мужской линии. Поэтому даже великий Тимур (1336–1405) правил от имени подставных ханов-Чингисидов. Однако именно в годы завершения Мухаммадом б. Хиндушахом работы над своим сочинением этот принцип подвергся некоторой корректировке. В числе предков Шейха Увейса были ильханы Текудер (Ахмад) (1282–1284) и Аргун (1284–1291), но с обоими он был связан лишь по женской линии, и для обоснования его легитимности потребовалась идеологическая кампания его владевших пером сторонников. Едва ли она была спланированной и кем-то направляемой. Можно не сомневаться, что на развалинах Ильханата оставалось немало людей, заинтересованных в реставрации прочной власти династии, память о которой была еще очень свежей. Скорее всего, к ним принадлежал и Мухаммад б. Хиндушах, посвятивший свой труд Шейху Увейсу, которого он не только называет «падишахом мира», «ханом над ханами», «шахиншахом семи климатов» и т.д., но и, что для нас более важно, «оживителем обычаев (правил) чингисхановой державы» [Нахчивани, 1964, с. 13–15 араб. паг.]. Он прямо говорит о наследовании власти Шейхом Увейсом от ильханов: «Предопределение предвечной судьбы и вечного Божьего предопределения было таково, что когда случилось так, что его величеству султану ислама – да сделает вечным Аллах его царствование! – перешел престол и место счастливого султана Абу Саида, и он занял трон царства, и государев венец утвердился на его высочайшем темени, сия книга украсилась его августейшими титулами» (пер. И.А. Мустакимова) [Нахчивани, 1964, с. 25 араб. паг.].

По-видимому, основатель правящей династии Джалаирав Шейх Хасан (1340–1356) тоже хотел на первых порах возродить власть ильханов, но фактически положил ей конец. При Абу Саиде он занимал высший военно-административный пост *улусбека*, в 1340 г. захватил власть в Багдаде. Сначала он поддерживал марионеточных Чингисидов: Тогай Тэмура (1338–1339, 1340–1344), Джахан Тэмура (1339–1340) и Сулаймана (1346), а затем в течение следующих десяти лет обходился уже без них [Roemer, 2006, p. 5–10]. Джалаиры начали позиционировать себя самих как законных продолжателей и хранителей традиций Чингисхана. Победив своих главных противников – Чобанидов, сын Шейха Хасана Шейх Увейс к 1360 г. взял под свой контроль прежний политический центр Ильханата – Азербайджан, что имело, по-видимому, также большое символическое значение и могло расцениваться современниками как возвращение крепкого единовластия и законности.

В придворных кругах Шейх Увейс – полноправный наследник ильханской политической традиции, в которой он действует как защитник ислама, придерживающийся царской справедливости и в то же время воплощающий династическое наследие Чингисхана [Wing, 2016, p. 121, 129]. Надпись на медном сосуде для воды, датированном эпохой правления Шейха Увейса, гласит: «Сделано по приказу величайшего султана, великого Ильхана, самого справедливого и благородного хаkana...» [Wing, 2016, p. 133].

Подобная идеологическая многогранность, совмещающая мусульманский и монгольский принципы управления, отражается и в «Дастур ал-катиб». Так, указы, касающиеся назначений на должности, охватывают различные страты общества: монгольскую военно-административную элиту (фиксируется 12 должностей)⁶, местное чиновничество, мусульманское духовенство. При этом постулируется, что монгольские судьи (*яргучи*), выносящие решения на основе *ясы*, обычного права, поучений (*билик*) Чингисхана и хранящихся в архиве указов других великих ханов, не должны вмешиваться в дела духовенства, вершащего правосудие по шариату, и наоборот. Предполагается, что распоряжения вновь назначаемых монгольских эмиров улусов должны «соответствовать повелениям шариата, требованиям справедливости и беспристрастности и установлениям *ясы* (ياسا و ياساق)» [Нахчивани, 1976, с. 30 араб. паг.]. Эти принципы, заложенные еще в ходе реформ Газанхана, хотя, возможно, стихийно складывавшиеся уже в годы формирования Ильханата как государства, на законодательном уровне адаптировали монгольскую правовую систему к правовой системе мусульманского мира. Казалось бы, теперь, когда не существовало не только единой Монгольской империи (хотя бы номинально), но и легитимной чингисидской власти от Мавераннахра до Средиземноморья, от монгольского наследия можно было вообще освободиться. Однако политической силы, которая могла бы это сделать подобно тому, как это осуществил в Китае основатель национальной династии Мин Чжу Юаньчжан (1368–1398), здесь еще не сложилось, так как пальма первенства перешла к Джалаирам, которые сами имели монгольское происхождение и имели основания демонстрировать приверженность идеалам Монгольской империи.

В «Дастур ал-катиб» встречается ассоциированное с именем Чингисхана тюркское словосочетание «Кудатку билик», на которое исследователи обратили внимание уже давно [Мелиоранский, 1901]. Согласно современным представлениям, под этим названием скрывается собрание афористических высказываний Чингисхана (либо приписываемых ему), скорее всего передававшихся устно. Мухаммад б. Хиндушах указывает, что знание этого «Кудатку билик» необходимо для тех, кто претендует на должность *яргучи* – судьи, разбиравшего дела государственной важности и подчинявшегося непосредственно ханскому двору [Нахчивани, 1976, с. 31 араб. паг.]. В этой связи нужно отметить следующее. Как основатель Монгольской империи, Чингисхан считался не только великим стратегом, но и законодателем, а его сентенции по вопросам управления приобрели характер максим, с которыми его потомки сверяли свои действия. Однажды, когда решался вопрос престолонаследия среди сыновей хагана Хубилая (1260–1294), именно знание высказываний-*биликов* Чингисхана и умение их рецитировать якобы сыграло решающую роль: «Между Тимуркааном и [его братом] Камалой, который был годами старше его, начались споры и пререкания относительно престола и царствования. Кокчин-хатун, которая была крайне умна и способна, сказала им: “Мудрый каан, то есть Кубилай-каан, приказал, чтобы на престол воссел тот, кто лучше знает билики Чингиз-хана, теперь пусть каждый из вас скажет его

⁶ По мнению китайского ученого Ли Минфэя, в этом пункте напрашивается аналогия между «Дастур ал-катиб» и законодательным сводом империи Юань «Юань дьянь-чжан» 元典章 [Li Mingfei, 2014, p. 302], составленным не позднее 1322 г. Если эта аналогия верна, то можно говорить о сходных законах контаминации административных и юридических норм, действовавших в XIII–XIV вв. в разных частях монголосферы.

билики, чтобы присутствующие вельможи увидели, кто лучше знает”. Так как Тимур-каан весьма красноречив и [хороший] рассказчик, то он красивым голосом хорошо изложил билики, а Камала, из-за того что он немного заикается и не владеет в совершенстве речью, оказался бессилён в словопрении с ним. Все единогласно провозгласили, что Тимур-каан лучше знает и красивее излагает [билики] и что венца и престола заслуживает он» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 206]. Поскольку эта история зафиксирована в сочинении ильханского историка, можно полагать, что она была известна в дворцовых кругах как государства Хулагуидов, так и его исторических преемников, в том числе Джалаиридов.

Можно было бы думать, что ко второй половине XIV в. Чингисова мудрость утратила в Иране актуальность, но пример рассматриваемого нами сочинения свидетельствует об обратном. Труд Мухаммада б. Хиндушаха отразил политические реалии не столько периода правления Абу Саида, когда он был начат, сколько Шейха Увейса, когда он был завершён. Следовательно, идеология «чингизизма», т.е. оправдание законности власти потомков Чингисхана над «всей землей», закреплённая в *ясе*, к указанному времени ещё не исчерпала себя, по крайней мере, на подвластных Джалаиридам территориях. В пользу этого говорит и историография данного периода, представленная таким интересным произведением, как «История Шейха Увейса» Абу Бахра ал-Кутби ал-Ахари [Ahrī, 1954; ал-Ахари, 1984]. Оно тоже проникнуто духом монгольской мировой порядки.

Таким образом, Мухаммад б. Хиндушах не просто органично связывает Джалаиридов с Хулагуидами, но и проводит эту связь глубже – к самому Чингисхану. На этом основании мы можем расценивать его произведение в качестве одного из самых поздних памятников монгольской имперской идеологии, созданных на персидском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари. *Тарих-и шейх Увейс*. Пер. М.Д. Кязиева, В.З. Пириева. Баку: Элм, 1984 [Abu Bakr al-Qutbi al-Ahari. *Tarikh-i Sheikh Uweis*. Transl. by M.D. Kazimov, V.Z. Piriev. Baku: Elm, 1984 (in Russian)].

Бартольд В.В. К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов. *Сочинения*. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 365–368 [Bartold V.V. On the Question of Uighur Literature and its Influence on the Mongols. *Essays*. Vol. V. Moscow: Nauka, 1968. Pp. 365–368 (in Russian)].

Григорьев А.П. *Монгольская дипломатика XIII–XV вв. (Чингизидские жалованные грамоты)*. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978 [Grigoriev A.P. *Mongolian Diplomacy of the 13th–15th Centuries (Chinggisid Charters)*. Leningrad: Publishing House of Leningrad University, 1978 (in Russian)].

Джувеини Ата-Мелик. *Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувеини*. Пер. с перс. Дж.Э. Бойла. Пер. с англ. на рус. Е.Е. Харитоновой. М.: Магистер-Пресс, 2004 [Juveini Ata-Melik. *Chinggis Khan. The History of the Conqueror of the World, Recorded by Ala-ad-Din Ata-Melik Juveini*. Transl. from Persian by J.E. Boyle. Transl. from English to Russian by E.E. Kharitonova. Moscow: Magister-Press, 2004 (in Russian)].

Зорграф И.Т. *Монгольско-китайская интерференция. Язык монгольских канцелярий в Китае*. М.: Наука, 1984 [Zograf I.T. *Mongolian-Chinese Interference. The Language of Mongolian Offices in China*. Moscow: Nauka, 1984 (in Russian)].

Ибн Маммати. *Правила диванов*. Пер. С.Б. Певзнера. М.: Наука, 1990 [Ibn Mammati. *Rules of Divans*. Transl. by S.B. Pevsner. Moscow: Nauka, 1990 (in Russian)].

Мелиоранский П.М. О Кудатку Билике Чингиз хана. *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества*. Т. XIII. СПб.: Типогр. Императорской академии наук, 1901. С. 015–023 [Melioransky P.M. About Kudatku Bilik of Chinggis Khan. *Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*. Vol. XIII. St. Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1901. Pp. 015–023 (in Russian)].

Мункуев Н.Ц. *Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая*. М.: Наука, 1965 [Munkuev N.Ts. *Chinese Source on the First Mongol Khans. The Tombstone Inscription on the Grave of Yelyu Chu-tsai*. Moscow: Nauka, 1965 (in Russian)].

Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. *Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-катаба)*. Пер. Г.М. Курпалидиса. М.: Наука, 1985 [Muntajab al-Din Badi Atabek al-Juwayni. *Stages of Improvement of Katibs (Atabat al-kataba)*. Transl. by G.M. Kurpalidis. Moscow: Nauka, 1985 (in Russian)].

Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. *Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней)*. Крит. текст, пред. и указ. А.А. Али-заде. Т. I. Ч. 1. М.: Наука, 1964 [Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. *Dastur al-katib fi tayin al-maratib (A Scribe's Guide to Determining Degrees)*. Critical Text, Introduction and Index by A.A. Ali-zade. Vol. I. Part 1. Moscow: Nauka, 1964 (in Persian and Russian)].

Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. *Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней)*. Крит. текст, пред. и указ. А.А. Али-заде. Т. II. М.: Наука, 1976 [Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. *Dastur al-katib fi tayin al-maratib (A Scribe's Guide to Determining Degrees)*. Critical Text, Introduction and Index by A.A. Ali-zade. Vol. II. Moscow: Nauka, 1976 (in Persian and Russian)].

Пириев В.З. О некоторых вопросах государственного устройства при хулагуидах и джалаиридах (по материалам «Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб» Мухаммада ибн Хиндушаха Нахчивани). *Советское востоковедение: проблемы и перспективы*. М.: Наука, 1988. С. 197–203 [Piriev V.Z. On Some Issues of the State Structure under the Hulaguids and the Jalairids (Based on the Materials of “Dastur al-katib fi tayin al-maratib” by Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani). *Soviet Oriental Studies: Problems and Prospects*. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 197–203 (in Russian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. III. Пер. А.К. Арендса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946 [Rashid al-Din. *Collection of Chronicles*. Vol. III. Transl. by A.K. Arends. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1946 (in Russian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. II. Пер. Ю.П. Верховского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960 [Rashid al-Din. *Collection of Chronicles*. Vol. II. Transl. by Yu.P. Verkhovsky. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960 (in Russian)].

Тизенгаузен В.Г. *Из сочинения Мухаммада Хиндушаха Нахчивани*. Рукописный перевод. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 52. Ед. хр. 14–16. Л. 217–239 [Tizenhausen V.G. *From the Works of Muhammad Hindushah Nakhchivani*. Handwritten Translation. Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts RAS. Fund 52. Inv. No. 14–16. Folios 217–239 (in Russian)].

Тизенгаузен В.Г. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских*. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884 [Tizenhausen V.G. *Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. Vol. I. Extracts from Arab Writings*. St. Petersburg: Published on the Dependency of Count S.G. Stroganov, 1884 (in Russian)].

Усманов М.А. *Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв.* Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979 [Usmanov M.A. *Chartered acts of the Juchi Ulus of the 14th–16th Centuries*. Kazan: Publishing House of the Kazan University, 1979 (in Russian)].

Фаверо М. Как султан мамлюков обращался к хану Золотой Орды. Формуляр писем и правила их составления. *Золотоордынское обозрение*. 2018. Т. 6. № 1. С. 41–84 [Favereau M. How the Mamluk Sultan Addressed the Golden Horde's Khan. The Form of Letters and Rules for their Compilation. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6. No. 1. Pp. 41–84 (in Russian)].

Фарзалиев А., Мамедова Р. *Сефевиды и Великие Моголы в мусульманской дипломатике*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004 [Farzaliev A., Mamedova R. *Safavids and the Great Mughals in Muslim Diplomacy*. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg University, 2004 (in Russian)].

Харькова С.С. Тюркские заимствования в монгольских языках как следствие билингвизма их носителей. *Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность*. Труды междунар. конф.: в 3 т. Т. I. М.: «Инсан», 1992. С. 163–165 [Khar'kova S.S. Turkic Borrowings in Mongolian Languages as a Consequence of Bilingualism of their Native Speakers. *Languages, Spiritual Culture, and History of the Turks: Traditions and Modernity*. Proceedings of the International Conference: in 3 vols. Vol. I. Moscow: “Insan”, 1992. Pp. 163–165 (in Russian)].

Хэй-да ши-люе / «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй-Тина. Публ. и коммент. Линь Кюн-и и Н.Ц. Мункуева. *Проблемы востоковедения*. 1960. № 5. С. 133–158 [Hei-da shi-lue / “Brief Information about the Black Tatars” by Peng Da-ya and Xu-Ting. Publ. and Comment. by Lin Kyung-yi and N.Ts. Munkuev. *Problems of Oriental Studies*. 1960. No. 5. Pp. 133–158 (in Russian)].

Ahṡī, Abū Bakr al-Qutbī. *Ta'rikh-i Shaikh Uwais (A History of Shaikh Uwais): An Important Source for the History of Ādharbaijān in the Fourteenth Century*. Transl. by J.B. Van Loon. The Hague: Mouton & Co., 1954.

Allsen T. Some Remarks on the Language Situation under the Ilqans. *Mongol Studies*. Улаанбаатар, 2007. Pp. 98–107.

Bazmee Ansari A.S. Insha. *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. III. Leiden; London: Brill, 1986. Pp. 1241–1245.

Busse H. Diplomatie. Perse. *Encyclopedie de l'Islam*. Vol. II. Leiden: Brill, 1991. Pp. 301–313.

Cleaves F.W. A Chancellery Practice of the Mongols in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1951. Vol. 14. Pp. 496–504.

Cleaves F.W. The Anonymous Scribal Note Pertaining to the Bicig of Otemis. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1953. Vol. 16. № 3/4. Pp. 478–486.

Dai Matsui. Six Seals on the Verso of Čoban's Decree of 726 AH/1326 CE. *Orient*. 2015. Vol. 50. Pp. 35–39.

Fekete L. *Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente. Aus dem Nachlaß des Verfassers herausgegeben von G. Hazai*. Budapest: Akademiai Kiadó, 1977.

Fragner B. Katib in Persia. *Encyclopedie de l'Islam*. Vol. IV. Leiden: Brill, 1997. Pp. 757–758.

Haw S.G. The Persian Language in Yuan-Dynasty China: a Reappraisal. *East Asian History*. 2014. Vol. 39. Pp. 5–32.

Imad al-Din Shayh al-Hukama'i. Study on a Decree of Amir Čoban of 726 AH/1326 CE. *Orient*. 2015. Vol. 50. Pp. 10–24.

Li Mingfei. *Communication between China and Persia in the 13th-14th Centuries: As Seen from the Appointment Documents of Dastūr al-Kātib fi Ta'yīn al-Marātib*. Eurasian Studies. English Edition. Vol. II. Eds-in-Chief Yu Taishan & Li Jinxiu. Beijing: Asia Publishing Nexus, 2014. Pp. 298–309.

Roemer H.R. *Staatsschreiben der Timuridenzeit. Das Šaraf-nāmā des 'Abdallāh Marwārīd in kritischer Auswertung. Persischer Text in Faksimile* Hans Robert von Roemer. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1952.

Roemer H.R. The Jalayirids, Muzaffarids and Sarbadars. *The Cambridge History of Iran. Vol. 6. The Timurid and Safavid Periods*. Ed. P. Jackson and L. Lockhart. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Pp. 1–41.

Sellheim R., Sourdel D. Katib in the Caliphate. *Encyclopedie de l'Islam*. Vol. IV. Leiden: Brill, 1997. Pp. 754–757.

Yokkaichi Y. Four Seals in 'Phags-pa and Arabic Scripts on Amir Coban's Decree of 726 AH/1326 CE. *Orient*. 2015. Vol. 50. Pp. 24–33.

Vasary I. The Role and Function of Mongolian and Turkic in Ilkhanid Iran Turks and Iranians. *Interactions in Language and History*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. Pp. 141–152.

Wing P. *The Jalayirids: Dynastic State Formation in the Mongol Middle East*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АБЗАЛОВ Ленар Фиргатович – кандидат исторических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Республика Татарстан, Россия.

Lenar F. ABZALOV, PhD (History), associate professor of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia.

ДРОБЫШЕВ Юлий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Yuliy I. DROBYSHEV, PhD (History), Senior Research Fellow of the Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia.